

**Отзыв официального оппонента доктора филологических наук,
профессора Ишимбаевой Галины Григорьевны
о диссертации Васильевой Галины Михайловны
«"ФАУСТ" И.В. ГЁТЕ В РУССКОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ СОЗНАНИИ»,
представленной на соискание ученой степени доктора
филологических наук по специальности: 10.01.01 – Русская литература,
10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (немецкая).**

Актуальность диссертационного исследования Васильевой Галины Михайловны не вызывает сомнения, поскольку находится в русле современной концептуальной тенденции системного изучения рецепции творчества классиков.

Поистине *Opus Magnum* диссертанта (работа была начата почти 40 лет тому назад, в 1980-е годы) является междисциплинарным исследованием, находящимся на стыке литературоведения, лингвистики, переводоведения, философии, богословия, культурологии. Грандиозность замысла и формы его реализации в работе Г.М. Васильевой позволяют говорить о своеобразном продолжении фундаментального труда В.М. Жирмунского «Гёте в русской литературе» (1937) и коллективной монографии, изданной под редакцией Г.В. Якушевой, «Гёте в русской культуре XX века» (2001).

Научная новизна диссертации Г.М. Васильевой обусловлена тем, что «Фауст» Гёте рассматривается как метатекст, в русскую фаустиану вводятся произведения Э.Л. Миндлина, А. Николева, публикации журналов XIX–XX вв. «Будильник», «Стрекоза» и др., исследуются неизвестные русские переводы «Фауста» Гёте А.М. Овчинникова, М. Семперверо, К.А. Иванова, Н.Б. Сделанная автором диссертации попытка выявить особенности восприятия «Фауста» в постгётевскую эпоху, таким образом, дополняет и уточняет картину прежде всего русского гётеанства и «русского литературного сознания».

Что касается «европейского литературного сознания», то ему в диссертации Г.М. Васильевой уделено меньшее внимание (см.: Оглавление работы). Заявленная всеохватность и монументальность темы привели, с нашей точки зрения, к некоторой разбалансировке анализируемого материала: одни «сюжеты» исследования проговариваются скороговоркой, другие – очень подробно. Замеченная диспропорция частей и целого диссертации тем более досадна, что структура работы в целом отличается логичностью и продуманностью.

Во Введении представлены все необходимые составляющие: характеризуются актуальность темы диссертации, ее научная новизна, степень разработанности; формулируются объект, предмет, цели и задачи работы, а также положения, выносимые на защиту; определяются теоретико-методологические основы исследования, его теоретическая и практическая значимость; приводятся данные о солидной апробации результатов исследования. Некоторые вопросы возникли в связи с формулировкой положений, выносимых на защиту: 7 положений из 9 посвящены разным аспектам мировидения Гёте и его «Фаусту», 1 – традициям Гёте в художественном мире писателей и мыслителей, 1 – специфике русских переводов гётевского «Фауста» (стр. 38-39). С нашей точки зрения, здесь следовало бы в первую очередь выделить и сформулировать то, что является сущностным в рецепции «Фауста» Гёте «русским и европейским литературным сознанием».

Первая глава диссертации Г.М. Васильевой «Морфология культуры и идея символической парадигматики в творчестве И.В. Гёте» представляется особенно интересной. Выполняющая функцию основополагающей, она состоит из 6 параграфов, в которых последовательно раскрываются следующие проблемы: «Морфология как универсальная наука о строении вещества и представление И.В. Гёте о художественной целостности»,

«Паремиологическая модель мира и семантическая категория текста-тканья», «Смысл поэтических образов», «Мифопоэтическая триада “Слово – Мысль – Дело”»: статус фрагмента и его структура», «Инфантильное / инфернальное», «Аксиология мгновения: пафос географический и мистический». Г.М. Васильева демонстрирует здесь основательность и тщательность научного подхода к феномену философско-художественного мироздания Гёте, которое вписывает в контекст античной и мировой культуры. Несомненная удача автора диссертации – анализ текста как тканья знаков и ткани бытия в связи с тканью текста, постановка проблемы интермедиальности гётевской трагедии, корректировка перевода «Фауста», сделанного Б.Л. Пастернаком.

Замечание вызвали неточные литературоведческие формулировки диссертанта («Зоркость взгляда <...> является одним из признаков поэтики» стр. 64, «Само понятие “размышление” несет в трагедии жанрообразующий характер» стр. 87). Кроме того, хотелось бы уточнить, почему автор диссертации рассматривает «Кроткую» и «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского в первой, а не во второй главе, посвященной русской литературе.

В этой второй главе – «Аксиодоминанты И.В. Гёте и многоаспектность их воплощения в русской литературе: историко-культурный и текстуальный анализ» – исследуются судьбы «русского» Гёте на примере отдельных произведений отечественных классиков. Нельзя не согласиться с акцентами пушкинской гётеаны, сделанными диссертантом в 1 параграфе («Свойства Логоса: “Сцена из Фауста” А.С. Пушкина»), и с ее важным наблюдением: «... язык указывает на драматическую цезуру в человеческом существовании» (стр. 143).

Иначе обстоит дело с 2 («Дело как собирание истории: декабристы о Гёте»), 3 («Строй разумной формы: от “Филокалии” до “Фауста” в “Ревизоре” Н.В. Гоголя»), 4 («Иницирующий пафос: апории И.В. Гёте в прозе И.А. Гончарова») параграфами второй главы, которые побуждают к

дискуссии. Во-первых, по нашему мнению, параграф о декабристах, преимущественно посвященный В.К. Кюхельбекеру, нуждается в уточнениях, которые возможно было сделать, например, с учетом вероисповеданий декабристов – православных, лютеран, католиков, по-разному воспринимавших гётевские идеи «Фауста». Во-вторых, сравнительно-сопоставительный анализ комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» и трагедии Гёте «Фауст» можно было дополнить исследованием рисунков демонологических образов в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» с их фольклорной демонологией. В-третьих, в самом названии 4 параграфа «... апории Гёте в прозе Гончарова» содержится внутренний неразрешимый конфликт между логически верным суждением и его невозможностью существовать в реальности.

В 5 параграфе второй главы, «Мастерство как метафора действующего и мыслящего художника: И.В. Гёте и Л.Н. Толстой», рассматривается один из вопросов, на основании ответа на который автор диссертации делает вывод о степени близости русского и немецкого классиков: «... понятие “мастерства” <...> обретает разное материальное воплощение, но общность содержательных оппозиций сохраняется и т.д.» (стр. 177).

Наконец, 6 параграф второй главы «Сердечная эмблематика поэта – хранителя речи» посвящен И.А. Бунину и Е.И. Замятину (2.6.1. «Кардиогнозис в творчестве И.А. Бунина и Е.И. Замятина»), Э.Л. Миндлину (2.6.2. «Утраченные аллюзии: “Возвращение доктора Фауста” Э.Л. Миндлина»).

С одной стороны, в первом пункте шестого параграфа определяется главная тема Бунина, связанная с Гёте, – «вездесущность» немецкого классика в культуре (стр. 178). С другой стороны, тонко и точно комментируется образ-символ замятинского романа «Мы» Мефи с его смысловой компрессией и семантическими связями; раскрывается процесс «кодирования русских аллюзий внутри немецкой культуры» (стр. 183);

отмечается, что в «художественном мире Замятина образы Фауста и Мефистофеля сплавляются в сложное целое» (стр. 185).

Большой интерес представляет второй пункт шестого параграфа, посвященный компаративистскому исследованию незаконченного фаустовского романа Э.Л. Миндлина, вписанного в культурный контекст эпохи (поэтому так естественны и обоснованы отсылки к легендарной МХТовской постановке «Турандот», к Эль Лисицкому, К.С. Малевичу и др.). Автор диссертации характеризует фаустовские сюжет и образы романа, анализирует используемый писателем топоним-мистификацию Швиттау, показывает, как «мнемотическая сила транспонирует миф в слово памяти» (стр. 195), доказывает, что Миндлин дал «славянскую интерпретацию» истории Фауста (стр. 199). Анализ романа, в котором диссертант слышит скрытый разговор его автора с друзьями, прежде всего с Мариной Цветаевой (стр. 200), дополнен скрупулезным исследованием трех редакций сказки Миндлина «Не может быть», посвященной строительству Днепрогэса и связанной с фаустовской темой.

В целом убедительный и доказательный пункт диссертационного исследования, посвященный Миндлину, вызывает замечания в связи с некритически воспроизведенной концепцией жанра романа, сложившейся к 1926 г. («... структурной основой любого романа является активное противостояние спорящих голосов (контроверза), их столкновение и т.д.» (стр. 189), а также с неточной формулировкой: «Жанровая характеристика – «Начало романа “Возвращение доктора Фауста”» – является аксиологической» (стр. 189).

В третьей главе диссертации «Два модуса восприятия как сюжетобразующий принцип», открывающейся небольшим вступлением о метаморфозах Гете в экспериментальном театре А. Жарри и М. де Гельдерода, в содержательном отношении продолжается тема второй главы:

в 4 параграфах рассматривается русская гётеана конца XIX — первой половины XX вв.

Материал, представленный в первом параграфе третьей главы — «Миграция и трансформация образов “Фауста” в журнале “Будильник”», — обладает большой научной ценностью, поскольку реактивирует проблему программной соотнесенности журнала с трагедией Гете «Фауст» и с образом Мефистофеля. Г.М. Васильева дает анализ фарсов по мотивам «Фауста», публиковавшихся на страницах журнала, исследует разные формы кодифицированной речи, которыми пользуется эмблематический герой «Будильника» Мефистофель.

Герои второго параграфа третьей главы «Специфика преемственных связей: “Стать притчей во языцех” и “Всяк суций в ней язык” — А.П. Чехов и В.В. Набоков. В первом пункте параграфа исследуется «Мифообраз И.В. Гёте и “Фауст” в творчестве А.П. Чехова», во втором — «(Ин)вариант образа И.В. Гёте в прозе В.В. Набокова».

Очень убедительно автор диссертации рассматривает творчество Чехова через призму творчества Гёте и выделяет полярные модусы его восприятия и художественного осмысления (пародирование прототекста, создание гротескной притчи, «боковой» парадоксальной ситуации и т.д.). Принципиальным представляется вывод о «дискурсивно-дискретном чтении “текста” Гёте», характерном для Чехова (стр. 231). Особое внимание Г.М. Васильева уделяет сосуществованию театрального и литературного текстов в воспринимающем сознании русского писателя, поэтому одно из направлений анализа чеховской рецепции «Фауста» здесь связано с одноименной оперой Ш. Гуно.

Линию преемственности «Гёте-Набоков», по слову диссертанта «трудно начертить без многих оговорок» (стр. 238). И тем не менее эта линия «начерчена» и определена как двойственная в своей основе. Диссертант отмечает, что при всей неоднозначности отношения Набокова к немецкому

классику их безусловно роднит поэтическая связь, пристрастие к классификациям, восприятие настоящего времени как череды моментов.

Несомненная удача Г.М. Васильевой – третий параграф третьей главы, названный «Голос И.В. Гёте: “По ту сторону Тулы” А. Николева». Автор диссертации исходит из того, что А. Николеву (А.Н. Егунову) близка идея морфологии культуры Гёте, что обуславливает «текстообразующую силу» (стр. 243) его творчества. В продолжение этого тезиса дается анализ сюжета романа, его комонимов и хрононима, системы персонажей и ономастических розыгрышей, символики трех книг, топонимических метафор, фемининативов и т.д., и все в целом подспудно подготавливает выводы о специфике звучания фаустовской темы и воссоздания гётевского контекста на страницах романа «По ту сторону Тулы».

В четвертом параграфе третьей главы исследуется одна проблема в связи с одним образом: «Воспитательная интенция Мефистофеля: “квартирный вопрос” в романе М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”», т.е. вычленяется частное, на основе которого делается общее умозаключение (по этому же принципу, кстати, построен и анализ романа Е.И. Замятина «Мы» в 2.6.1.). В качестве исходного пункта анализа выступает толстый художественный журнал, редактором которого является герой романа Булгакова Берлиоз. Г.М. Васильева высказывает предположение, что речь может идти о «Будильнике» и «Сатириконе», и убедительно показывает внутреннюю связь между Мефистофелем из «Будильника» (рассмотренным в первом параграфе третьей главы), сатаной из «Мастера и Маргариты» и традицией Гёте, завершая свой анализ размышлениями над эпитафией к роману. Вводимые Булгаковым строки Гёте «актуализируют их в пределах русской культуры» (стр. 263).

Четвертая глава исследования посвящена «Фаусту» «в контексте философского и филологического типов научного познания», в связи с чем выделены имена А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, О.А.Г. Шпенглера, Г.Г.

Швиттау, представителей Московского лингвистического кружка, В.Я. Проппа. Диссертант рассматривает преломления гётевской идеи совершеннолетия в наследии Шопенгауэра и Ницше, а также фаустовские этнокультурные архетипы Шпенглера. Вслед за этим в ряд прославленных мыслителей XIX – XX вв. вводится Г.Г. Швиттау, межкультурный дискурс сочинений которого «распознается на границе между немецкой и русской философско-гуманитарной мыслью» (стр. 292), доказывається, что ключевым в философии Швиттау является понятие «воля», связанное с теорией двойственной истины Д. Вико и Гёте.

Далее Г.М. Васильева обращается к рассмотрению «культуры как синхронистического разговора» на примере деятельности членов Московского лингвистического кружка, подчеркивая, что перевод для кружковцев был «принципом философской рефлексии, источником понимания культуры и познания» (стр. 296). Охарактеризованы проблемы, над решением которых размышляли члены МЛК: морфология языка, учение о «внутренней форме слова», идея «внутренней формы» в философии искусства и т.д. Крупным планом выделены А.Г. Габричевский, создавший образ-парадигму «гётерономия» (стр. 297), и А.И. Ромм с его идеей разговора, отличной от концепции диалога М.М. Бахтина, и с его попытками сформировать новый поэтический язык, с его «метапереводами» (стр. 305). В этой части хотелось бы уточнить, чем руководствовался диссертант при выборе конкретных имен участников МЛК для рассмотрения их деятельности в гётевском контексте, почему, например, Г.Г. Шпет только упомянут и не удостоился более подробного «разговора».

Наконец, в последнем параграфе четвертой главы дается сравнительно-сопоставительное рассмотрение морфологической поэтики И.В. Гёте и методологии В.Я. Проппа, который «сближал биологию и филологию», ставил вопрос о том, «насколько область языка совпадает с областью мысли» (стр. 311) и развивал идеи Гёте.

Теории и практике перевода посвящена пятая глава диссертационного исследования, названная «Комментарий и переводческая практика». В первом параграфе главы рассматриваются гётевское представление о трех типах перевода и его контекстуальные ступени. Обращает на себя внимание, что автор, комментируя трагедию Гёте, сделал подстрочник, что определило «экстенсивный путь следования от фразы к фразе без пропусков» (стр. 319) и что позволило Г.М. Васильевой сделать ценные наблюдения над «русским» «Фаустом» в переводе Н.А. Холодковского и Б.Л. Пастернака.

Во 2, 3 и 4 параграфах пятой главы дается анализ трех переводов «Фауста»: А.М. Овчинникова как источник реконструкции славянской культуры, М. Семперверо (М. Четверикова) в разрезе *Summa europæica*, К.А. Иванова с его антропоцентричностью как принципом перевода. Отмечу высочайший профессионализм практикующего переводчика Г.М. Васильевой, анализирующей специфику каждого из названных переводов, культурно-исторические контексты их появления, их лексемы, поэтический синтаксис и поэтическую морфологию и т.д.

В пятом параграфе пятой главы рассмотрены переводы для сценической постановки – танцевальная поэма Г. Гейне «Доктор Фауст» и найденный автором диссертации неизвестный автограф перевода «Фаустъ и Маргарита Гёте» Н.Б. Особенности гейневской интерпретации идеи Фауста, как доказывает Г.М. Васильева, обусловлены тем, что поэт рассматривал традиционный сюжет в контексте Реформации, актуализируя его историософское содержание. Диссертант препарирует морфологику Гейне, аксиологическую инверсию экспрессивно-гротескного изображения реальности в танцевальной поэме о Фаусте, ее финал и жанровую специфику. Обращаясь к «Фаусту и Маргарите Гёте» Н.Б., диссертант ставит своей целью «дать адекватное описание “переделки” Н.Б. как явления языкового и поэтического» (393), и проводит скрупулезное сравнение двух текстов.

С нашей точки зрения, методическим просчетом аналитических глав диссертационного исследования Г.М. Васильевой является зачастую отсутствие выводов, что, правда, компенсируется Заключением.

Список используемой литературы включает 372 источника на русском и иностранных языках.

Венчает работу Г.М. Васильевой Приложение (стр. 445–522), где представлены авторские переводы и демонстрируется авторский подход к осмыслению перевода трагедии.

Автореферат диссертации Г.М. Васильевой и публикации – 170 единиц (в т.ч. 20 статей в журналах ВАК, 1 монография, 3 учебных пособия, переводы и т.д.) – отражают основные идеи, концепции и положения исследования.

Высказанные вопросы дискуссионного характера и замечания не влияют на положительное в целом впечатление о работе, не затрагивают концепции и сущностных выводов исследования. Диссертация Васильевой Галины Михайловны «"ФАУСТ" И.В. ГЁТЕ В РУССКОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ СОЗНАНИИ» является законченной самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой решена актуальная для современного литературоведения проблема и которая имеет научно-практическую значимость.

Диссертация «"ФАУСТ" И.В. ГЁТЕ В РУССКОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ СОЗНАНИИ» тематически соответствует паспорту специальности 10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 - Литература народов стран зарубежья (немецкая) и отвечает требованиям п.п. 9, 10, 11, 12, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор, Васильева Галина Михайловна, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности

10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран
зарубежья (немецкая).

Официальный оппонент,
доктор филологических наук
(10.01.05 - Литература народов Европы,
Америки и Австралии), профессор,
зав. кафедрой русской, зарубежной литературы и
издательского дела,
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Почтовый адрес вуза:

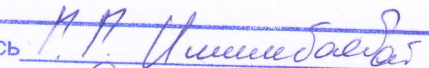
450076 Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

адрес электронной почты: galgrig7@list.ru

рабочий телефон: (347) 273-67-26

Ишимбаева Галина Григорьевна /

11.04.2022

Подпись
Заверяю: ученый секретарь Ученого совета Башкирского государственного университета С.Р. Баимова
« 11 » апреля 2022 г.

